

Школа и жизнь: как воспитать «своих парней» хорошими гражданами?

Этой теме 13 декабря была посвящена дискуссия в офисе Южнокавказского регионального бюро Фонда им. Генриха Белля.

С докладами выступили: **заместитель председателя департамента патрульной полиции Леван Мачавариани, директор 53-й публичной школы Заал Самадашвили и руководитель проекта «Илья Чавчавадзе», директор Национального центра оценки и экзаменов Симон Джанашиа.**

Модераторами дискуссии был журналист **Давид Паичадзе**. Он отметил, что, к сожалению, наши СМИ почти не уделяют внимания предложенному нами для обсуждения вопросу.

- В советские годы школа была неким институтом насилия, в котором порой веяли ветра из криминального мира, существовали иерархии власти среди учеников. И у нас нет никаких оснований полагать, что со всем этим давно уже покончено. Перед началом нынешнего учебного года со стороны представителей властей были сделаны заявления, касающиеся того, что в школах должен быть искоренен дух преступности и неформальных отношений. Однако никакого конкретного плана действия в этом направлении представлено не было.

Давайте предоставим слово господину **Левану Мачавариани**.

- Роль полиции в рассматриваемом вопросе довольно специфична. Как известно, нашей обязанностью является реагирование на нарушение закона, независимо от того, кто совершает это нарушение – подросток или взрослый человек. Вместе с тем, процесс демократизации, происходящий в нашем обществе, ограничивает права полицейских в школах. Когда я учился в школе, то для нас, учеников, самой страшной фигурой был инспектор по делам несовершеннолетних, некий господин Аркадий. Появление его в школьном дворе было подобно вражеской атаке. Ребята бросали все и разбежались кто куда. Сейчас нам смешно это вспоминать, но тогда такая методика работа в школе была общепринятой. Сегодня, слава богу, иные подходы и иная методика воспитания. Никто не будет останавливать ученика, выворачивать у него карманы, допрашивать, откуда и куда он идет, почему не находится там, где должен быть и т.д. Тем не менее, я не могу сказать, что нам легче стало работать. Поток информации, который получает ребенок в течение суток, ориентиры родителей, влияние улицы, двора – все это формирует личность, и, в зависимости от того, как внешние явления преломляются в его сознании, мы получаем или законопослушного гражданина, или представителя «группы риска», с которым приходится работать. Я, пожалуй, на этом закончу, но периодически буду включаться в ход дискуссии.

Вопрос из зала: - Не могли бы вы рассказать, с какими конкретно нарушениями закона вам приходится сталкиваться в школе?

Леван Мачавариани:

- Как известно, в школах формируются группы вокруг так называемых «лидеров», которые выделяются среди своих сверстников или физической силой, или особой сообразительностью, или большим опытом жизни... Если лидер оказывается носителем каких-то отрицательных потенций, тогда возникают проблемы. Сбор денег, присвоение

чужих вещей, вымогательство... Слава богу, ничего такого они не выдумывают, с чем нам не приходилось иметь дело.

Кети Гурчиани, филолог:

- Существует ли статистика того, насколько часто школы обращаются к патрульной полиции?

Леван Мачавариани:

- Исходя из специфики нашей работы, мы не ведем такую статистику. Мы просто реагируем на случившийся факт, подобно хирургам.

Давид Паичадзе:

- Предоставим слово господину Заалу Самадшвили. Он является директором 53-й публичной школы, среди выпускников которой в прошлом были и выдающиеся личности, и криминальные «авторитеты».

Заал Самадшвили:

- Тоже выдающиеся. Я согласен с оценками предыдущего докладчика. К сожалению, насилие остается проблемой в школах. Сильный утверждает себя попранием прав слабого. Так было и в моем детстве. Хотя причины того, почему криминальный мир был привлекательным для подростков моего поколения и почему он привлекателен сейчас – разные. Мне кажется, в прошлом это объяснялось поиском справедливости. В обществе, в котором царили насилие и несправедливость, криминальный авторитет воспринимался в качестве носителя такой справедливости. В какой-то мере это и сейчас так. Родители и учителя ассоциируются с несправедливостью, а вот школьный авторитет, лидер – это тот, от которого можно ожидать справедливого решения. Кроме того, нахождение в его окружении – это и определенная социальная защита.

Выход из такого положения мне видится в замене авторитетов, в убеждении школьников в том, что те, кого они считают для себя авторитетами, на самом деле являются насильниками и подонками. Честь и достоинство для них – ничего не значащие понятия. Даже человеческая жизнь для них ничего не стоит. Но как сменить этих лидеров? Я считаю, что это очень долгий и сложный процесс.

Необходимо отметить явное потепление в отношениях между школьниками и представителями службы правопорядка. Когда я был школьником, то участковый инспектор по кличке Казимир, наводил на нас ужас. Кроме того, «грехом» считалось даже общение с человеком в форме. Теперь не то, участковый инспектор не воспринимается как исчадие ада. Между ними порой бывают вполне доверительные беседы.

Нино Двалидзе, филолог:

- Меня интересует, каково отношение нынешних школьников к директору школы?

Заал Самадшвили:

- Для меня как директора самым большим «комплиментом» со стороны учеников было мое имя на воротах школьного двора рядом с именами популярных футболистов. Это было знаком того, что я чего-то добился. Когда человек идет работать в школу, то он должен быть готов к тому, чтобы жить жизнью своих учеников. Тогда они платят взаимностью.

Давид Паичадзе:

- Предоставим слово нашему следующему докладчику.

Симон Джанашиа:

- Я тоже начну с воспоминаний школьных лет. Многие учителя считали, что формы насилия, производимые над учениками, являются своего рода закалкой, подготовкой их к взрослой жизни. Наши исследования свидетельствуют о том, что число преступлений или просто нарушений школьного распорядка находится в прямой зависимости от степени внимания к ученикам. Например, в больших школах с множеством учеников нарушений больше.

Одной из причин насилия в школе можно считать незнание правил и приемов переговоров. Это незнание восполняется стереотипами. Если меня обидели или оскорбили, то я должен действовать по принятой схеме, не мудрствуя лукаво. Не принято в наших школах и обращаться за помощью к взрослым, к родителям или директору. Для подростков это считается позорным. К сожалению, корни этого - в нашем обществе, которое воспринимает мир в черно-белом цвете. Истина всегда одна, и в ней нельзя сомневаться. Нет постмодернистской культуры, допускающей разные точки зрения по одному и тому же вопросу. Например, достойным ответом на матерщину признается физическая расправа. Никто не допускает другой, менее кровавой реакции. Итак, в среде учеников существуют прописные истины, внушаемые окружением, и если кто-то начинает им перечить, высказывать иную точку зрения, вести себя по-другому, то он рискует стать жертвой насилия.

Изменение этой ситуации должно носить комплексный характер, предусматривающий выработку критического мышления, навыков гражданского общества, принятие в школе правил и мер безопасности, включение в школьную жизнь психологов, социологов, представителей правоохранительных органов...

Давид Паичадзе:

- Давайте откроем дискуссию. Вот, уважаемый Заал Самадшвили говорит о замене «ложных» авторитетов на «подлинные». Но для этого мы должны хорошо знать, каковы интересы и ценности тех, кому сегодня 13, 14, 15 лет. Знаем ли мы их ценности, и какие у них интересы? Кроме того, на основе опыта школьного периода своей жизни, мне трудно себе представить «положительного» лидера в школе.

Отдельная тема – моральный облик учителя, его ценностные ориентиры. Мне кажется, образ школьного учителя у нас мифологизирован. Никто не спрашивает с учителя того, почему его питомцы становятся криминалами. Вместе с тем, профессия дает возможность удовлетворения каких-то властных амбиций, пусть даже в малой группе. Но я отошел от своего вопроса о том, может ли в школе существовать «позитивный» лидер?

Заал Самадшвили:

- В прошлом году один мой ученик создал компьютерный сайт, и его за это зауважали даже те, кто не отличается ни дисциплиной, ни интересом к преподаваемым предметам. Так создатель сайта естественным образом стал «позитивным» лидером.

Что касается учителей, то это отдельная тема разговора. Некоторые из учителей нашей школы были возмущены тем, что я сделал им замечание в связи со словесными и физическими оскорблениями учеников. Вообще мое решение изменить, образ жизни и стать директором школы было продиктовано осознанием того, что воспитание подрастающего поколения зачастую доверяется сердитым старушкам, которым давно опротивела своя работа. Учителей мужчин катастрофически мало. В одном из эссе Борхеса рассказывается о том, как аргентинцы реагировали на фильм, снятый в США. Герой фильма проникает в среду криминалов, завоевывает их доверие, а затем выдает их полиции. Американцы считали поступок героя достойным подражания, а аргентинцы называли его подонком, поскольку он изменил святому для них понятию – дружбе. Так, изменение культурных ориентаций общества – это долгий и сложный процесс.

Давид Паичадзе:

- Готовят ли полицейских специально для того, чтобы они могли войти в доверие к ученикам?

Леван Мачавариани:

- На это я могу дать формальный ответ. До тех пор, пока начинающий полицейский не пройдет шестинедельный тренинг в полицейской академии, он не сможет приступить к исполнению своих обязанностей. На тренингах его обучают тому, как он должен сотрудничать с общественностью. Это система, которая действует в течение последних двух-трех лет. Наши зарубежные коллеги готовят тренеров, которые впоследствии делятся полученными знаниями со своими коллегами.

Лела Гаприндашвили, философ:

- Я считаю, что главная функция школы заключается в формировании таких гражданских ценностей и ориентиров, которые, возможно, ученик не находит у себя дома. Немыслимо ведь, чтобы все родители имели бы гражданское образование, разбирались бы в вопросах либеральной демократии и т.д. Эти знания ученикам должна давать школа.

Что касается замены «плохого» лидера на «хорошего», то я против этого и думаю, что никакого лидера не нужно. Школа должна помочь ученику найти себя, стать личностью, то есть лидером самому себе, ибо любой внешний лидер – это пломба в сознании ученика. Когда мы ученику внушаем, что ты должен во что-то верить, независимо от того, интересуешься ты этим или нет, мы тормозим процесс его рационального развития. Мы должны предлагать идеалы, но вместе с тем, предоставить ему возможность выбора. Пусть он сам находит свои идеалы и идеи, а мы будем выступать в роли повивальной бабки.

Давид Паичадзе:

- Меня интересует, насколько профессиональные знания учителя гарантируют ему авторитет и признание среди учеников?

Заал Самадашвили:

- По опыту своей школы могу сказать, что тут связь прямая. Профессионализм всегда завораживает, и когда ученик видит, что преподаватель с увлечением рассказывает о своем предмете, то это его заражает, и он с особым уважением и даже любовью начинает относиться к учителю.

Симон Джанашиа:

- Профессионализм учителя, безусловно, провоцирует интерес учеников. Но профессионализм предполагает не просто демонстрацию своих обширных знаний, но и умение подводить учеников к каким-то открытиям, которые они должны совершать сами. В противном случае, даже самые яркие уроки забудутся вскоре после окончания школы. Гениальный ученый может оставаться в плену собственной риторики, так ничему и не научив своих учеников.

Лела Гаприндашвили:

- Приобщение учеников к излагаемому материалу может быть обусловлено и тем, куда смотрит учитель во время повествования. Смотрит ли он на одного, на нескольких учеников, или просто в никуда, в пустое пространство классной комнаты.

Давид Паичадзе:

- Благодарю всех. Думаю, что мы уходим отсюда с какими-то новыми знаниями по интересующей нас теме.

Георгий Сиамашвили